

УДК 811.161.1

**АТРИБУТЫ ДОБРЫИ – ЗЪЛЫИ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(по материалам летописных текстов)**

И.В. Ерофеева

Аннотация

В статье рассматривается функционирование прилагательных *добрыи – зълыи* в летописных текстах. Анализируется семантическая специфика и грамматическая дистрибуция адъективно-субстантивных синтагм, включающих данные оценочные прилагательные. Определяется сочетаемость лексем *добрыи – зълыи*, позволяющая реконструировать языковое сознание средневековья, особенности народного мировоззрения.

Ключевые слова: адъективно-субстантивная синтагма, языковое сознание, концептуальная сфера, семантический синкретизм, аксиологический компонент.

Оценка многих явлений нашей жизни, как позитивных, так и негативных, уходит корнями в прошлое, в систему мирозерцания, которое на протяжении столетий формировало русский национальный характер, национальную психологию. Важным способом постижения личности нашего предка, его сознания является исследование языковых фактов. Ведь, как отмечал Д.С. Лихачев, «язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры» [1, с. 287]. Именно в языке воплощается все многообразие культуры, отражается исторический опыт нации и особенности народного мировоззрения. Концептосфера русского языка находит выражение в языковых знаках, организующих ментально-культурное пространство языка. Степень развитости языка определяется не только многообразием его лексического состава, но и богатством значений отдельных словесных знаков, определяемых учеными как семантический синкретизм, свойственный славянскому сознанию [2, с. 44]. «В каждой данной культуре всегда существует конечный список семантических синкрет, которые и составляют семантическое ядро этой культуры» [2, с. 45]. Для постижения языкового сознания средневековья важное значение имеет анализ ключевых концептов культуры, воплощенных в таких словесных знаках, которые вобрали в себя исторический опыт человека в целом. Изучение подобных лексических единиц позволяет охарактеризовать черты самого человека, особенности его восприятия и оценки мира.

К универсальным категориям любой культуры относятся понятия *добро – зло*. Каждая универсальная категория имеет не только национальное своеобразие, но и историческую специфику, так как с течением времени человек меняется, развивается, совершенствуется. Концептуальная сфера языка постоянно

обогащается благодаря развитию литературы, культурных традиций. Концепты развиваются в соответствии с теми семантическими возможностями, которые потенциально в них заложены. Благодаря произведениям слова, которые дошли до нас, мы можем воспроизвести русский менталитет средневековья в том виде, в каком он представляется в перспективе изменяющегося русского слова. Сами понятия, выраженные разными значениями слов *добро* – *зло*, относятся к общечеловеческим, вневременным, поэтому они остаются неизменными на протяжении веков, но система значений данных словесных знаков, эксплицирующаяся прежде всего в синтагме, постоянно изменяется, модифицируется, нюансируется. Наиболее подвержены таким изменениям имена прилагательные, так как они в большей степени, чем другие части речи, зависят от контекста.

Особую роль в реконструкции языкового сознания средневековья имеют оценочные прилагательные. В истории русского языка значимость прилагательных возрастает в ходе формирования абстрактно-понятийного аппарата мышления [3, с. 429], поскольку они выражают идею более абстрактную, чем имена существительные. Характеризующий компонент семантики адъективов актуализируется в синтаксической связи двух имен, в которой прилагательное выполняет функцию определения.

Адъективы, являющиеся обозначениями важных нравственных понятий, обычно организуются в бинарные оппозиции. К наиболее актуальным понятиям подобного рода относятся представления о добром и злом. Дихотомия *добрыи – злыи* имеет общечеловеческий и вневременной характер, однако проявляется она в фактах языка, имеющих локальную и темпоральную прикрепленность. Развитие русского самосознания (менталитета) отражало реальные отношения человека к другому человеку, к миру (то есть к Богу как обобщенному понятию о Мире) [4, с. 107].

Значение слова в средневековом тексте зависит от контекста его употребления. Прилагательные со значением моральной оценки *добрыи – злыи* в древнерусском языке очень популярны и характеризуются более широкими сочетаемостными возможностями, чем в более поздние эпохи. Экспликация того или иного смысла синкретичного слова происходит в синтагме. При этом важным оказывается анализ не только смыслового наполнения адъективов *добрыи – злыи*, но и тех понятий, к которым могут быть применимы данные этические представления. Определения *добрыи – злыи* использовались для характеристики самых разнообразных явлений действительности. В дальнейшем в связи с общим процессом «снятия» синкретизма у большинства имен [2, с. 52] они утратили целый ряд значений.

Как известно, слово *добрыи* представляет собой суффиксальное производное (суффикс -r-) от корня *dob-* со значением «период времени», «пора», «срок». Первоначально **dobъ* – **dobъjъ* означало «годный», «подходящий», отсюда «доброкачественный», «добротный». Значение «добрый», «милосердный» возникло позже других значений слова *добрыи* в связи с прогрессом в общественных отношениях. Прилагательное *злыи* также первоначально имело более конкретное значение. Оно восходит к индо-европейскому корню **g'hul-* «изгибаться», «кривиться», «изворачиваться». Первоначально *злыи* – «кривой», «лукавый». Таким образом, значения данных антонимических адъективов развивались

в направлении от конкретных к более абстрактным. В древнерусском языке они уже выступали с семантикой, известной и современному русскому языку. Однако сочетаемость данных прилагательных была значительно шире, чем сейчас. Они могли определять существительные самого разнообразного характера: одушевленные и неодушевленные, конкретные и абстрактные, нарицательные и собственные.

В сознании человека средневековья отражаются определенные установки культуры, окрашенные нравственным идеалом, в соответствии с которым личность квалифицируется как «достойная/недостойная». Они вырабатываются в течение длительного исторического развития народа, откладываются в социальной памяти и формируют установки. Подобные установки выполняют разные функции в механизмах жизни человека: координирующую, стимулирующую, регулирующую и т. д. [5, с. 50]. К национальной культуре относится все, что интерпретируемо в терминах ценностных установок. В русском языковом сознании нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях человека [4, с. 114]. Поэтому в контексте летописных сводов в семантической структуре прилагательных *добрыи – злыи* аксиологический компонент значения наиболее актуализирован. Как свидетельствуют памятники, физическая природа человека не представляла особого интереса, человек оценивался как личность прежде всего по своим моральным качествам.

Рассмотрим функционирование прилагательных *добрыи – злыи* в трех наиболее интересных летописных памятниках древности – «Повести временных лет» (далее ПВЛ), Новгородской I летописи старшего извода (далее НЛ) и Московском летописном своде 1479 года (далее МЛС). Будучи образованиями со значением моральной оценки, адъективы *добрыи – злыи* представлены в летописных сводах прежде всего в сочетании с одушевленными именами существительными. В средневековой литературе образы еще не индивидуализированы. В ней предстает чаще всего коллективный персонаж, безлика и сплоченная масса людей. Поэтому сочетания прилагательных *добрыи – злыи* с существительными одушевленными обычно имеют форму множественного числа. Прилагательное *добрыи* чаще всего определяет существительные *люди, человекѣци, мужи*. Слово сочетания *добрыи люди, добрыи человекѣци, добрыи мужи* синонимичны и представлены в летописных сводах в сходных синтаксических конструкциях на месте грамматического прямого или косвенного объекта, где прилагательное *добрыи* имеет разные оттенки значения. В военных контекстах оно имеет значение «достойный»: «Много добрыхъ мужь избѣша въ Клинѣ новгородѣцѣ» (НЛ, 1131); «Города не взяша, но дѣти поимаша у добрыхъ мужь в тали» (НЛ, 1240); «И ту побиша много добрыхъ мужь» (МЛС, 1315). При описании событий политического характера прилагательное *добрыи* приобретает социальное наполнение, выступая со значением «почтенный, знатный, богатый»: «И събрачеса чернь, и волочаху добрые мужи, думающее с ними, ко-го цесаря поставятъ» (НЛ, 1204).

В ПВЛ сочетание *добрыи мужи* не отмечается в военных контекстах, оно фиксируется на месте грамматического прямого объекта при глаголе *избрати* в погодных статьях о правлении Владимира. При этом прилагательное *добрыи* входит в гendiadis, где его значение «исполненный достоинств, добродетелей»

эксплицируется в сочетании с однородным определением *смысленыи* в значении «умный»: «*И избра от нихъ мужи добры, смыслены и добры и раздая имъ грады*» (ПВЛ, 980); «*Избраша мужи добры и смыслены числом 10*» (ПВЛ, 987). В гендиадисе со словом *смѣренныи* прилагательное *добрыи* эксплицирует сакральную семантику – «добродетельный»: «*Възлюбиша вси богомъ назнамена на мужа добра и смѣрена Феоктиста*» (НЛ, 1272). В ПВЛ религиозно-нравственный компонент в повествовании более значителен, чем в других рассматриваемых летописных сводах. Это обнаруживается и в сочетаемости прилагательного *добрыи*, и в его семантической специфике: оно выступает со значением «делающий, несущий добро, радость»: «*В се же лѣто преставися Янь старецъ добрыи*» (ПВЛ, 1106). В ПВЛ прилагательное *добрыи* отмечается и в составе словосочетания метафорического характера *добрыи пастухъ*, где в значении слова *пастухъ* «руководитель религиозной общины» уже заложена позитивная коннотация, которая актуализируется определением *добрыи*: «*Се же сбытсѣ прореченье блаженнаго отца нашего Феодосѣя. добраго пастуха*» (ПВЛ, 1091). В МЛС в сходной конструкции прилагательное *добрыи* определяет синонимическое существительному *пастухъ* слово *пастырь*, которое также актуализирует образное переносное значение: «*Вся земля Пермская просветисѣ учениемъ добраго пастыря и божья святителя Стефана*» (МЛС, 1396).

Характеристика человека в литературе средневековья задается определенными штампами, отражающими этические установки своего времени, включающими не только моральный, но и социальный компоненты. В значении прилагательного *добрыи* социальный момент также активизирован, особенно в формах множественного числа. При этом компоненты словосочетания с атрибутом *добрыи* предстают как единое целое, тесный сплав и на синтаксическом, и на семантическом уровне. Такой сплав более очевиден в случае препозиции адъектива. Если же адъектив находится в постпозиции, он более самостоятелен в смысловом отношении. Интересно, что постпозиция членного адъектива отмечается в контекстах с религиозной составляющей: «*Но то, братье, за грѣхы наша божъ казнить ны и отъять от насъ мужи добры ѣ да быхом ся покаjali*» (НЛ, 1269); «*Но за грѣхы наша нѣколько муж добрыхъ паде*» (НЛ, 1322).

Основной единицей древнерусского текста является синтагма, композиционные особенности которой отличаются устойчивостью и повторяемостью. В форме единственного числа адъективно-субстантивная синтагма *мужъ добръ* характеризуется постпозицией прилагательного и отмечается на месте грамматического прямого объекта в предложении. В этом случае прилагательное имеет значение общей положительной моральной оценки лица: «*И въведоша мужа добра и зѣло бояшася бога Гръцина*» (НЛ, 1226); «*А мужа добра застрѣлиша с города*» (НЛ, 1260); «*Убиша ту Домаша, брата посадничя, мужа добра*» (МЛС, 1242).

Об устойчивости употребления определенных словосочетаний формульного характера свидетельствует и тот факт, что сочетание *добрыи люди* обычно отмечается в контекстуальном противопоставлении со словосочетаниями *злии чловѣци* или *недобрыи чловѣци*: «*А инши пакы злии чловѣци почаша добрыхъ людии дома зажигати*» (НЛ, 1231); «*Олна на свѣтѣ богъ и добрыи люди*

уяша; а злии челоуѣци падоша на грабежи» (НЛ, 1272); «И жаляху по нем Новгородци добрии люди, а злии радовахуся» (МЛС, 1196).

Прилагательное **добрии** является определением и при других именах со значением лица. К ним относятся прежде всего лексемы, называющие человека по его социальному положению: **князь, бояринъ, купецъ** и др. Больше всего подобных сочетаний в НЛ, причем в форме единственного числа преобладает нечленная форма адъектива: «Убиша добра князя Полотьского Товтивилова» (НЛ, 1263). При этом прилагательное представлено как в атрибутивной, так и в предикативной функции: «Но добръ бяше до князя Юрья князь великы Ординьскы Ширинъ Тегыня» (МЛС, 1432); «А наши князи добри суть» (ПВЛ, 945). В форме множественного числа в сочетании с другими существительными одушевленными членная форма адъектива отмечается как в пре-, так и в постпозиции к определяемому слову: «Убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича... и много добрыхъ боярь» (НЛ, 1269); «Ту убиша Андрѣя Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшинича... и купецъ добрыхъ много» (НЛ, 1316). В сочетании с существительным военной семантики **вои** прилагательное **добрии** имеет значение «надежный»: «Ратници суть и добрая воя» (МЛС, 1223).

Наконец, в ряде случаев прилагательное **добрии** определяет существительные со значением лиц женского пола. Единичность подобных конструкций связана с незначительностью роли женщины в средневековом обществе. В таких примерах актуализируется социальный компонент значения слова **добрии** «почтенный, знатный, богатый». Сочетания, обозначающие лиц женского пола, выступают в конструкциях с однородными членами при перечислении и преимущественно в формах множественного числа: «Поругание черницамъ и попадьямъ и добрымъ женамъ и дѣвицамъ пред матерьми и сестрами» (НЛ, 1238); «И истригошася вси въ образъ... князь и княгыни, дчи и сноха, и добрии мужи и жены» (НЛ, 1238).

Сочетания прилагательного **добрии** с субстантивами с неличным значением в летописных текстах не столь распространены, как сочетания с личными субстантивами. Если адъективно-субстантивные синтагмы, включающие прилагательное **добрии** и имена лиц, характеризуются повторяемостью в разных летописных текстах, то сочетания прилагательного **добрии** с именами неодушевленными в разных летописных сводах имеют свои особенности. Так, в НЛ **добрии** выступает как определение конкретных понятий в значении «прочный, надежный»: *домовъ добрыхъ* (1195), *дворовъ добрыхъ* (1261). В ней отсутствуют сочетания прилагательного **добрии** с отвлеченными существительными. В ПВЛ, наоборот, практически всегда данный адъектив определяет существительные отвлеченной семантики, в основном в контекстах религиозного содержания: *добра честь* (945); *доброу мудрости Божьи* (955); *в старости добру* (1074); *добраго житья* (1091); *мысль добру* (1102). Только в одном случае в ПВЛ **добрии** фиксируется в сочетании с конкретным существительным, и притом в библейской легенде о сотворении мира: «И видѣ жена яко добро древо въ ядь» (ПВЛ, 986). В МЛС прилагательное **добрии** определяет неодушевленные существительные только отвлеченного значения. Сочетание *добрая дѣла* имеет формульный характер и фиксируется в похвальных словах по представле-

нии Владимира Мономаха 1125 года и Стефана Пермского 1396 года. Кроме того, в МЛС отмечается метафорическое выражение *доброму течению* (1318), где *течение* – «течение жизни».

«Нет добра вне зла, как нет и зла без добра» [6, с. 284]. Противоположным полюсом нравственной оценки является понятие о злом. Сочетаемость адъективов *добрыи* – *злыи* в летописных текстах имеет общие и отличительные особенности. Будучи формой со значением моральной оценки, *злыи*, как и *добрыи*, определяет прежде всего существительные одушевленные. Интересно, что *злыи* не отмечается в сочетании со словом *мужь*, в то время как *добрыи мужь* – устойчивое словосочетание формульного характера, регулярно воспроизводящееся в летописях. *Злыи* выступает только в сочетании со словом *человѣкъ*, в единичных случаях – *люди* и преимущественно в форме множественного числа. Отличаются и синтаксические особенности синтагм с атрибутивными компонентами *добрыи* – *злыи*: синтагмы со словом *злыи* фиксируются на месте грамматического субъекта в предложении, где *злыи* – «враждебный, недоброжелательный»: «Злии *человѣци* падоша на грабежи» (НЛ, 1272); «И тако *свадиша* братью *оканьнии* ти *зли* *человѣци*» (МЛС, 1160); «Молвили ти *нѣко* на мя *зли* *человѣци*» (МЛС, 1168).

Сочетания прилагательного *злыи* со словом *человѣкъ* в единственном числе немногочисленны. Они отмечаются в контекстах религиозно-назидательного характера, где форма единственного числа имеет обобщенное значение, и также на месте грамматического субъекта в предложении: «Зол бо *человѣкъ* противу *бѣсу*, и *бѣсь* бо того не замыслить, еже зол *человѣкъ* замыслить» (МЛС, 1168); «Золь бо *человѣкъ* тѣся на злое не хужи есть *бѣса*, *бѣси* бо Бога боятсѣ, а золь *человѣкъ* ни Бога боитсѣ» (ПВЛ, 1015). Таким образом, синтаксическое употребление антонимических выражений *добрыи* – *злыи мужи*, *человѣци* образует грамматическую оппозицию, отражающую общий характер языкового сознания. Злое начало – деятельно, доброе – пассивно. Злые люди действуют сами, добрые – испытывают воздействие со стороны различных внешних обстоятельств.

При других существительных со значением лица прилагательное *злыи* отмечается в летописных сводах в единичных случаях. В ПВЛ и МЛС в сочетании со словом *свѣтникъ*, которое само по себе лишено отрицательной коннотации, *злыи* имеет значение «враждебный, недоброжелательный». Данное словосочетание представлено либо в формульном выражении с глаголом *послушати*: «*послушавъ* злых *свѣтник*» (ПВЛ, 1085; МЛС, 1096 и др.), либо в сочетании с глаголом *здумати*: «*Здумавши* си со *всѣми* злыми *свѣтники*» (МЛС, 1446). *Злыи* отмечается также и при существительных со значением лица, уже имеющих негативную семантику: «Злых *тѣх* *смердов*, *убищъ*, *шилников* и *прочих* *безъименных* *мужиковъ*, *иже* *скотом* *подобни* *суть*» (МЛС, 1469).

К кругу одушевленных существительных, определяемых посредством прилагательного *злыи*, относятся и наименования животных. В летописных текстах такие сочетания представлены сравнительными конструкциями, где *злыи* является определением животных, негативно воспринимаемых в русском язы-

ковом сознании: «акы злиш волци» (МЛС, 1408); «яко же злыи пагубныи змии» (МЛС, 1437).

Определение **злыи** гораздо чаще, чем **добрыи** выступает при существительных неодушевленных. При этом оно также определяет понятия как конкретно-го, так и отвлеченного характера. Наиболее частотным в летописных текстах является сочетание **сѣча зла**, где **злыи** имеет значение высшей степени проявления признака «очень сильный по степени проявления, жестокий». Данное выражение, относящееся к военной терминологии, носит формульный характер. В значении существительного **сѣча** уже заложена отрицательная коннотация, которая подчеркивается определением **злыи**. Сочетание **сѣча зла** отмечается в МЛС 13 раз, в НЛ и ПВЛ – по 5 раз. В ПВЛ встречается синонимическое выражение со словом **брань**, где **злыи** выступает в предикативной функции в качестве именной части составного сказуемого: «И брани межю ими бывшии злыи» (ПВЛ, 941).

Субстантивный компонент в синтагмах со словом **злыи** представлен двумя группами: имеющими в своей семантике негативную оценку и не имеющими таковой. **Злыи** определяет следующие существительные негативной семантики:

– со значением психического состояния человека: *страсти злыя* (ПВЛ, 1015); *пополох золь* (МЛС, 1149), где **злыи** – «мучительный»;

– со значением физического состояния человека: *болезнь зла* (МЛС, 1174); *злюю смертию* (МЛС, 1246), где **злыи** – «мучительный»;

– со значением социального действия: *зла крамола* (МЛС, 1186); *злое волнение* (МЛС, 1477); *злое убиство* (НЛ, 1238); *свѣтъ золь* (НЛ, 1259), где **злыи** – «злой, свирепый, жестокий»;

– с конкретизированным значением: *злых и лютых зелеи* (МЛС, 1378); *злаго яду* (МЛС, 1437), где **злыи** – «губительный, пагубный»; *злых ересех* (МЛС, 1437), где **злыи** «ложный»;

– со значением качества: *злая лесть* (ПВЛ, 980); где *лесть* – «коварство», а **злыи** – «жестокий».

В других случаях определение **злыи** выступает при существительных, лишенных негативной коннотации. В таких случаях именно адъектив придает оценочное значение всему словосочетанию в целом. В таких сочетаниях **злыи** определяет в основном существительные с конкретизированным значением, часть из которых является немотивированными именами, а часть – отглагольными образованиями, подвергшимися разной степени конкретизации.

В синтагмах, содержащих непроеизводные субстантивы, **злыи** эксплицирует разные оттенки значения. Например, в сочетании со словом **путь** в прямом значении «дорога, путь» **злыи** имеет семантику «неблагоприятный, мучительный»: «И бысть путь зол, яко же не видѣли ни дни, ни ноци» (МЛС, 1256). В сочетании со словом **путь** в образном переносном значении «намерения, дела» **злыи** имеет семантику «плохой, дурной»: «Вспомянемъся от злаго пути своего» (ПВЛ, 1093). С существительным конкретной семантики **градъ** слово **злыи** также имеет общее отрицательное значение «плохой, дурной»: «Не смѣхут назвати град Козелскъ, но звахут его град злыи, поне же бяхут билися у града того по семь недѣль» (МЛС, 1238).

В других случаях **зълыи** является определением при отглагольных образованиях с конкретизированным значением: *злыхъ дѣлъ* (ПВЛ, 1092); *злыи мысли* (НЛ, 1218); *от слуха зла* (ПВЛ, 969); *злаго нрава* (ПВЛ, 986); *злы речи* (МЛС, 1168); *зло слово* (МЛС, 1168); *вѣсть зла* (МЛС, 1257); *золь плодъ* (ПВЛ, 980), где **плодъ** – «потомство, ребенок».

Лишь в одном случае прилагательное **зълыи** выступает при существительном с первичным значением действия, при этом оно отмечается в членной форме – **злое размышление**: *«И дале бы межси вас никаково злое размышление не было о тѣхъ дѣлахъ»* (МЛС, 1437), где **размышление** – «раздумье, сомнение, колебание», а **злое** – «неправедное, нечестивое».

Как видно из примеров, в большинстве случаев в формах единственного числа используется нечленная форма прилагательного, то есть предмет мыслится как неопределенный, при этом сами сочетания практически все носят формульный характер и употребляются часто в метафорическом значении. Во множественном числе более частотна членная форма адъектива.

Как важные понятия русского мировоззрения, адъективы **добрыи – зълыи** часто подвергаются субстантивации. Обозначение предмета по одному из характерных для него признаков – способ номинации, широко распространенный в древнерусском языке. При этом прилагательное выступает во вторичной, или мотивированной, синтаксической функции, отражающей его семантическое переосмысление. Субстантивы **добрыи – зълыи** представлены в морфологической форме мужского и среднего родов. В форме мужского рода они обозначают лицо, среднего – неодушевленный предмет. Образования **добрыи – зълыи** со значением лица часто выступают в смысловом противопоставлении: *«И жалыху по немь въ Новгородѣ добрии, а злии радовахуся»* (НЛ, 1196); *«На казнъ злымъ, а добрымъ на милованье»* (ПВЛ, 996); *«Добрыхъ любите, а лихихъ казните»* (МЛС, 1207). В субстантивированном употреблении **добрыи – зълыи** чаще всего имеют форму множественного числа и отмечаются в контекстах исторического характера, в устойчивых ситуативных формулах, например: *«Заступати и спасати могуца от всѣхъ злыхъ находящихъ на насъ»* (МЛС, 1408), где **зълыи** – «захватчик, противник». Формы единственного числа данных субстантивов менее популярны в летописном повествовании и отмечаются в религиозно-дидактических отступлениях: *«О томъ бо ся злии радуеть кровопролитию крестьяньску»* (НЛ, 1235), где **зълыи** – «дьявол».

Формы среднего рода **доброе – злое** редко представлены в субстантивном употреблении: **доброе** обозначает «все хорошее, доброе»: *«В Латынехъ доброе увидель еси»* (МЛС, 1437). **Злое** имеет как узкое значение – «злое, дурное дело»: *«А бѣси на злое всегда ловять»* (ПВЛ, 1015); *«И ноги его, иже на злое бѣху бистри»* (МЛС, 1262), так и более широкое, отвлеченное – «несчастье»: *«Вся си злая от Давыда быша»* (МЛС, 1098).

Оценочность, столь явно выраженная в средневековом тексте, реализуется с помощью языковых средств в рамках определенных синтагм. При выражении моральных и нравственных идеалов часто используются адъективы **добрыи – зълыи** в сочетании со словами различных лексических групп. При этом в значении адъективов представлен не только моральный, но и социальный компоненты, последний из которых в дальнейшем утрачивается. Выражения со словами

добрыи – злыи носят формульный характер и характеризуются повторяемостью и устойчивостью, четкой семантической и грамматической дистрибуцией. Несмотря на свою самобытность, летописи отразили все основные принципы построения средневекового текста, в том числе в характере употребления устойчивых ситуативных формул. Находясь в отношениях тесной семантической связи, выступая при одних и тех же именах, прилагательные *добрыи – злыи* имеют в летописных текстах и специфические черты. Так, *добрыи* определяет прежде всего существительные одушевленные, а *злыи* – в равной мере слова со значением лица и предмета. *Добрыи* выступает при словах, не имеющих оценочного компонента, в то время как *злыи* часто определяет неодушевленные существительные, уже содержащие в своей семантике отрицательную оценку, которая подчеркивается данным определением.

В целом в древнерусском и старорусском языке слова *добрыи – злыи* обнаруживают более широкие сочетаемостные возможности, чем в современном русском языке, обусловленные большим набором значений, которые они могли реализовать в контексте. По направлению к современности часть из этих значений утрачивается, в сочетании со словами *добрыи* и *злыи* усиливается антропологический момент.

Summary

I.V. Yerofeyeva. Dobryi – Zelyi (добрыи – злыи) Adjectives in Medieval Linguistic Worldview (on Chronicle Texts).

The article considers the ways of *dobryi – zelyi (добрыи – злыи)* adjectives functioning in chronicle texts. Semantically specific features and grammatical distribution of adjective + noun syntagms are analyzed. Moreover, collocations with *dobryi – zelyi* words are distinguished. Such collocations contribute to reconstructing medieval linguistic consciousness and specifics of folk worldview.

Key words: adjective + noun syntagm, linguistic consciousness, conceptual sphere, semantic syncretism, axiological component.

Источники

МЛС – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 25. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 464 с.

НЛЛ – Новгородская первая летопись старшего извода. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.

ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 496 с.

Литература

1. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. // Русская словесность. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
2. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 703 с.

3. *Баранов В.А.* Грамматический синкретизм характеризующих имен в древнерусском языке // Грани русистики: Филологические этюды. – СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 428–436.
4. *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. – СПб., 1991. – С. 106–124.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. – 624 с.

Поступила в редакцию
14.08.08

Ерофеева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.